ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

12

2006

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Друзья автора, читая его рассказы, вспоминают яркие случаи из жизни и подсказывают автору: «Вот про это у тебя не написано. А надо бы написать. Неужели не помнишь?»

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
«ТЫ НЕ ВСЕ НАПИСАЛ…»

Приехал на лето в поселок. Знакомых встречаю, беседуем, все же долго не виделись, целую зиму. Женя Фетисов — шофер местного автобуса, давний сосед, сын когда-то на весь Калач знаменитого Мити-гармониста.

— Зимой твою книжку читал, — говорит мне уже седовласый, но для меня все равно — Женя. — Хорошая книжка, но ты не все написал. Помнишь, ходили за лазоревыми цветками, за Дон, в Грушевую балку, и видели змеиную царицу…

— Какую царицу?.. — изумился я.

— Змеиную. Настоящую. Она на камне лежала. Большой самородный камень, а она на нем, прямо вся золотая, аж светится. Неужели не помнишь? — настойчиво вопрошал меня собеседник. — Змея здоровучая, вся золотая и в панцире, прямо светит… А мне потом бабка сказала: это змеиную царицу мы видели. Настоящая царица над всеми змеями. Ты про нее напиши. Я помню, хоть и маленький был, как мы сначала испугались. А потом глядели. У нее на голове — корона. Она нас не тронула. А могла и убить. Бывали такие случаи.

В нашем детстве было много славных походов: за лазоревыми цветами, за кислым щавелем, за пахучей скородой-чесноком, за ландышами в лесистое займище, за птичьими яйцами по весне (их там же и варили в солдатской каске), а еще за патронами, за артиллерийским снарядным порохом (он — желтый, колбасками), за птенцами — кобчиками, которых пуховыми брали из гнезд и растили дома, а еще за сладким солодиком осенью, тогда же — за бояркой, кисляткой, шиповником, дикими яблоками да грушами. Их было много, и много ребячьих походов.

Соседу Жене памятен именно этот, со змеей. Наверное, это был желтопуз, по-научному — полоз желтобрюхий. Действительно, большая змея, о которой рассказывали немало страшного: колесом свернется, голова к хвосту, и катится быстро, даже машину может догнать; а когда разозлится, то на хвосте надувает большую шишку ли, шар и бьет им до смерти человека или скотину, даже телегу может разбить или деревянный борт у грузовой машины. Такие вот страсти. А желтопуз и вправду красив. Поэтому сосед и запомнил его: под солнцем сияющий, на белом камне змеиный царь ли, царица, и даже с короной. Сказка детства и долгая память и потому наказ: «Напиши…»

Приехал как-то на хутор к товарищу, погостевать,

порыбачить. Не виделись давно, целую зиму. Новостей много, беседуем. А потом он говорит:

— Книжки твои зимой читал. Делать особо нечего. Со скотиной управился — и читай. Ты про наш паром написал, про перевозчика Федю Босяву, а потом мост построили, и все ушло — это правильно. Но ты не все написал. Вот я вспомнил, что когда был паром, а мы на выходные к матерям едем на хутор из города… Уже мы работали, машины появились, у меня был «Москвич». А кто — на казенных, многие шоферили. К матерям едем на выходной, все — задонские, парома не минуешь. Мне — в Набатов, дружок мой, Михаил Одинев, в Осиновке жил, мы вместе в Нижнем Чиру на комбайнеров учились, Иван Бочков — липологовский, мы с ним вместе в армию призывались, из Голубинки были, из Большой Голубой, из Малой. И все — к переправе. Кого и сто лет не видел, встречаешь. Обычно много машин в пятницу и субботу, до самого базара хвост, аж за переезд. Стараемся вместе: своих пропустить да пристроить. Тем более на пароме Иван Варенников работал, наш, набатовский. Но все равно переправимся лишь вечером, часам к девяти. Переправились, не уезжаем, всех ждем. А уж тогда погнали все вместе. Доезжаем до кургана Хорошего, где развилок. Ставим машины, полог — на траву, садимся, выпили чуток и загалдели… Все новости: кто, где, чего… И все дочиста вспомним, ведь вместе росли, пусть хутора разные, а совхоз один, «Голубинский». И в школе, кто после седьмого класса, в одной учились. В голубинский клуб пешком ходили да на велосипедах. Есть чего вспомнить, шумим до ночи, а то и зарю встречаем. Потом встали, попрощались. Давай по коням, каждый в свою сторону: одни — налево, на Липологовский, другие — на шлях, осиновские да голубские, найденовские, мы — на Евлампиевку, Теплый, Набатов. Разлетелись…

И так вот, пока был паром, встречались и знались. В городе по телефону звонили: мол, едешь, не едешь.

А мост построили, паром убрали — и конец всему. С тех пор, считай, никого не видел. Негде. Через мост напрямую — и дальше погнал. И каждый так. Все. Кончились встречи. Вот про это у тебя не написано. А надо бы написать.

— Конечно, надо, — с усмешкой подтверждает слова приятеля его жена. — Про ваши пьянки-гулянки. Как ты напился на этом кургане и вместо Набатова уехал аж в Иловлю.

— Ну, это туман был, — оправдывается супруг. — И никакая не Иловля, а на Ляпин бугор заехал. А ты сколько лет-годов помнишь.

С мужем в спор не вступая, хозяйка мне говорит:

— Моя подруга из Сиротинской все хочет вас повидать. Я вам как-то рассказывала про ее маму. Но она сама хочет, она это лучше знает. Вот бы, говорит, он написал. Такая жизнь.

У нее мама была — раскрасавица. Высокая, лицо — белое, глаза голубые, ротик, носик — все как нарисованное, брови — черные, а волос длинный, коса заплеталась до пояса. Она до старости была такая красивая, а уж в девках — и вовсе. Дружила она с одним парнем, а он ее обманул. Он — из казаков, из богатых, а она — сирота у матери, жили бедно. Он обещал жениться. И обманул. Ее, конечно, ославили, по всем хуторам молву волочат. Она плачет, а куда денешься. И выдали ее за безногого парня из богатой семьи. У него ноги-то были, но маленькие, как у дитя, калачиком. Он на них не ходил, ездил на тележке с колесиками. Выдают ее за этого парня-калеку. А куда ей деваться?.. Без приданого, отца нет, мать — бедная, в хатке-мазанке жили. Да еще — порченая. На всю округу ославили. А в те годы это был позор.

Свадьба была богатая. Как положено, в церкви венчали.

И вот стоит она в церкви у аналоя. Высокая, красивая да в белом венчальном платье. Ну прямо царица. А жених — возле ног ее, на деревянной тележке.

Народу нашло со всех хуторов, полна церква. Бабы и девки плачут, ревмя ревут. А она стоит — раскрасавица. А он — на полу, возле ног, до коленок ей.

Вот так и выдали замуж. Он работал объездчиком. Она ему запряжет лошадь и на руках его из дома несет, в бричку сажает. Он и поехал. Так и жили. Четверых детей нажили: два сына, две дочери. Моя подруга — младшая. Вот и хочет она, чтобы вы написали. Все спрашивает у меня, как с вами поговорить. Про это надо бы написать. Это бы всем было интересно. Такая жизнь…

И вправду ведь такая у нас жизнь: будто простая, обыденная, идет и идет, но оглянешься — а там что-то светит и греет душу, даже через много лет. Какая-нибудь сказочная царь-птица или царица-змея из детства, или просто мама ли, бабушка в один из дней, которых было, оказывается, так много, что обо всем не напишешь.